

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.И. Неклесса):

Мне бы хотелось заострить заявленную во вступительном слове проблему конфессиональной ориентации религиозно-активного населения (прихожан) в современной России, поскольку социологические данные вроде бы указывают с одной стороны на спад «православного возрождения», а с другой, напротив, на продолжающийся рост мусульмански-ориентированного населения в стране, особенно в области именно религиозной, а не культурной самоидентификации. Насколько вероятно видение в долгосрочной перспективе России в качестве влиятельной мусульманской державы?

Ответ:

Я согласен, что мусульманский вектор выражен сильнее, нежели православный. Хотя трудно верить церковной статистике. Если взять и сложить все конфессии, то количество верующих в стране превышает 150 млн человек. Кроме того, в православии и исламе разное отношение к вопросам веры. Для многих людей, которые ходят в церковь, православие является не столько религиозной, сколько исторической ценностью. Лично я никогда не буду себя позиционировать как православный, но всегда буду отстаивать те ценности, которое православие внесло в нашу государственность. Тогда как для мусульман ислам, прежде всего, ценность религиозного, догматического плана. Поэтому они себя так позиционируют.

А.И. Неклесса:

Если имеется в виду культурная, то да. Здесь огромная историческая инерция в России. Но если подходить в религиозной, а тем более с конфессиональной позиции, то тогда получается мусульманское...

И.Б. Орлов:

На поле мусульманских ценностей нельзя играть. Выстраивая новые контуры российской государственности в XXI в., нужно играть на том поле, которое является, условно говоря, цивилизационным для русских. Нельзя давать возможность кому-то устанавливать правила и играть по ним. Я имею в виду, что необходимо цивилизационное ценностное поле удерживать. Я иногда воспринимаю скептически то, что озвучивает РПЦ в этом плане, однако не могу не признать, что церковная иерархия (и не только) ощущают очень болезненно разрыв между православной самоидентификацией и мусульманской. Отсюда ряд ходов, которые предпринимает руководство РПЦ, стараясь играть на опережение. Задача государства состоит в том, чтобы поддержать эти шаги.

Вопрос (Ю.А. Лукин):

Испанская Конституция не исключает института монархии. Может, к этому Миронов ведет нас, чтобы национальный лидер выступал бы в роли монарха. Вы говорили правильно об испанской Конституции, но ее нельзя отрывать от того, что там институт монархии существует.

Ответ:

Кроме Испании существуют и другие, немонархические страны, в которых эта формула существует. Что касается того, что говорит Миронов, трудно это оценивать однозначно. Ведь как мы знаем, политик говорит одно, думает второе, делает третье. Что он вкладывает в свои высказывания, это его дело. Меня другое смущает: эти поиски отца нации, которые (понятно, что они идут не снизу, а сверху) не могут быть выражены в формуле Аятоллы Хомейни (не та традиция), а вот в формуле Дэн Сяопина вполне может быть осуществимо. Вспомните знаменитое признание Сталина: «Я — русский царь, коронованный марксизмом». Сейчас, судя по опросам,

заметьте, у кого выше рейтинги? Кто самая значимая фигура в российской истории? Петр I и Сталин. Сталин то вырвется на первое место, то пропустит вперед Петра Алексеевича. Вот они вдвоем балансируют в общественном сознании россиян, создавая некое ценностное поле.

Вопрос (В.П. Булдаков):

У меня вопрос скорее методологического порядка. Мне кажется, что для серьезного разговора на эту тему надо с самого начала разделить понятия власти и государства. Я уже не раз говорил об этом в разных аудиториях. Еще в годы перестройки, когда акценты ставились на обществе, общественных интересах, почему-то все, как один, сбивались на государство, государство и еще раз государство. Это показывает простейший контент-анализ тех самых *перестроечных* лет, я не говорю уже о современности. В этом кроется ключ к очень многим вопросам. Общество у нас вообще исчезло из лексикона. Следует ли разделить понятие «власть» и понятие «государство»?

Ответ:

Когда я писал текст доклада, я специально соединил понятия «власть» и «государство». Со времен Московской Руси проблемы господства и подчинения получили такую методологическую окраску. Для меня было важно другое. Как бы методологически не разделять эти понятия, в российской традиции и элитой и народом они воспринимаются и озвучиваются как синонимы. Тут есть некий парадокс. Мы можем сейчас это методологически препарировать: определить, как строятся отношения господства и подчинения, как это связано с властью отца в семье. Ведь именно отсюда проистекает патернализм царской власти, а царь предстает как отец большой семьи. На практике мы сталкиваемся с тем, что подавляющая часть ментального пространства России построена на соединении власти и государства. В этом и есть

настоящая проблема — почему это делается? Невзирая на то, что эти понятия должны быть методологически разведены, они соединены политической и духовной традицией вместе. Я не ставил задачу исследовать этот парадокс, потому что для меня был ясен первый посыл: эти понятия неразрывны в головах подавляющего большинства россиян.

Вопрос (В.М. Клычников):

В докладе есть мысль о базовых ценностях, которые являются стержневыми для государства на протяжении сотен лет. Но вот сейчас, когда вы говорите о современном состоянии ценностей, подчеркивая неудачи, нереализованные идеи, то мы должны проводить временное сравнение: 20 лет по сравнению с 800 — это ничто, флуктуация какая-то. Может быть, не принимать в расчет временное ослабление?

Ответ:

Я уже говорил в начале, что некоторые цивилизационные и государственные ценности просто закамуфлированы, оделись в другие одежды, спрятались за некие идеологические конструкты. Возможно, что через 50 лет с них слетит вся эта идеологическая шелуха, и мы увидим возрождение старых ценностей. Но сейчас я просто констатировал тот факт, что они не видны. Даже не то, что не видны, а не ощутимы ни в декларациях элиты, ни в массовом сознании наших с вами сограждан. Вот это парадокс. Возникает тогда вопрос: а где они тогда спрятались? Давайте попробуем их обнаружить.

В.М. Клычников:

Так, может, к ним напрямую обращаться? Прямая апелляция.

И.Б. Орлов:

Так это сейчас и происходит. Происходит апеллирование, в том числе со стороны церкви и со стороны государства. Но

пока я не вижу, чтобы эта апелляция доходила до адресата. Конечно, вода камень точит, и 10 лет апелляции, наконец, дадут результаты. Но, мне кажется, что в нашей стране апелляция, сама по себе, без долговременной целевой политики управления государством, которая будет подтверждать, что эти ценности значимы, — это просто профанация. Если эта апелляция будет подтверждена практикой, если налицо будет продвижение вперед, где эти ценности станут ориентиром, тогда, может быть, будут восстановлены разрушенные идеалы.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Игорь Борисович, позвольте задать длинный вопрос, сопроводив его рассуждением. Может быть тогда, мы просто возвращаемся «на круги своя», т. е. к не столь уж давнему прошлому — ситуации социальной инерции и апатии, предшествовавшей всплеску национальной энергетики? Прошло примерно двадцать лет активных перемен в российском жизнеустройстве и более пятнадцати лет существования новой государственности в формате Россия-РФ, но вот ценностные основания общества скорее понижаются, чем повышаются.

Мы ясно помним, как в конце восьмидесятых — начале девяностых годов население России переживало взрыв социального энтузиазма, вспомним стотысячные демонстрации, резкий взлет социальной активности, развитие и борьбу сразу нескольких ценностно-ориентированных социальных и культурных позиций, актуализацию нескольких конкурирующих идеологических комплексов: секулярно-гражданского, националистического, православного, когда действительно шло церковное возрождение, и т. п. А вот сегодня мы уже не первый год наблюдаем затухание социальной активности населения, падение интереса к общественной реализации ценностно-мотивированных позиций. Распространение цинизма и апатии. Может быть, преждевременно говорить о коллапсе идеи строительства новой государственности в Рос-

сии как соборного дела, но вполне пристало задуматься над историческими перспективами проявившихся тенденций, о возможных результатах строительства монолитной властной вертикали на фоне параллельного ей разрастания фантастической коррупции да игр в «догонялки» Португалии»...

Мне также не вполне понятна трактовка Сталина как своего рода «прораба коммунистической идеи». По-моему, Сталин все-таки выражал не коммунистическую идею, а идею национального социализма, примерно как она обозначила себя в русле XX века. Собственно коммунистическую идею в марксистском ее прочтении выражал скорее Троцкий: мировая революция, пролетариат, интернационализм. У Сталина же доминировала все же идея государственного строительства, номенклатурного правления, которая имела мало общего с коммунистической идеологией как таковой. Троцкий к тому же, возможно, был большим футуристом, нежели сам это осознавал. Сегодня в актуальном мироустройстве мы все чаще наблюдаем выстраивание транснациональных парapolитических конструкций, делегирование суверенитета, мутации привычных форм социальности, трансформации национальной государственности в корпоративную либо квазикорпоративную ипостась.

И как раз в подобных условиях фактор социально-культурной гравитации приобретает растущее значение, поскольку (пост) современное общество становится дисперсным и трансграничным. И когда речь заходит о современной России, мы нередко говорим о России в двух ипостасях: России как России-РФ и России как Русском мире. То же самое, впрочем, относится к другим обществам. И если теряется в них социокультурная — старая либо новая — гравитация, то общества расплавляются, рассеиваются в окружающем подвижном мире, а их составные элементы отходят к другим, более притягательным центрам гравитации.

Не представляется ли Вам сценирование в том числе негативных траекторий в подобном подвижном контексте за-

нятием более плодотворным, нежели упование на то, что-де вода камень точит, и, может, что-то со временем появится? Пока что проявляющиеся негативные симптомы предполагают развитие структурности все более архаичного, патерналистского свойства, снижение социальной активности гражданина и понижение его культурного статуса. Так может практичнее вести разговор о существенном расширении спектра сценариев будущего России?

Ответ:

Что касается архаики, то архаика архаике рознь. Допустим, золотые цепи, которые носили бандиты поверх малиновых пиджаков — это тот же знак, который носили холопы киевского князя как знак принадлежности к определенному клану. Это тоже архаика. Все дело в том, что в переходный период архаика просто лезет из всех щелей. Что может ей помешать? Во-первых, если эта архаика внедряется в виде дохристианских, языческих ценностей, тогда это задача православной церкви и других конфессий — оградить этот поток архаики. Во-вторых, если эта архаика лезет в виде права сильного (я сильный, значит, я все могу), тогда должны быть включены механизмы от государственных карательных органов до мобилизации общественности на борьбу с подобными проявлениями. Сценарии могут быть разные. Я согласен, что понятие «вода камень точит» относительное, я говорил это образно. Вспомните, я сказал, что нужна целенаправленная государственная политика, которая должна иметь определенную целевую установку: зачем, собственно говоря, мы это делаем?

А.И. Неклесса:

А субъект-то национальной сборки в России-РФ имеется ли в наличие, т. е. тот, «кому это нужно»? Политика может быть общенациональной, если есть субъект этого действия, некто реально заинтересованный в соответствующем ре-

зультате, а не использующий общенациональную риторику в клановых целях. На практике складывающуюся сегодня в России ситуацию скорее можно определить даже не как строительство корпоративного государства, а как сообщество, «сумму» все более влиятельных клановых образований — корпораций-государств.

И.Б. Орлов:

Так всегда было.

Вопрос (А.Л. Андреев):

В целом мне доклад понравился, но хотел задать вопрос. Хотелось бы уловить некий стержень, но я его не уловил. Довольно много говорится о том, как меняли друг друга или сосуществовали различные государственные идеологии. Но какое это имеет отношение к практике нашей сегодняшней и что из этого следует?

Ответ:

Во-первых, мне кажется, что само конституционное запрещение идеологии и национальной идеи было испугом перед марксизмом-ленинизмом и само по себе, в отрыве от реальной исторической ситуации, порочно. Государство обязано иметь государственную идеологию как систему высших ценностей. Мы с вами были свидетелями того, как Путин ласково пожурил «Единую Россию» в плане того, что определенная идеология у них есть, но она не тянет на общенациональную идею. Он тем самым признал, что конструкт «суверенная демократия» на самом деле не объединяет страну. Правопреемник Путина, возможно, пойдет дальше. Страна должна обрести национальную идею, внутри которой лежат ценности и ценностные цели.

То есть как государство себя позиционирует по отношению к гражданам и вовне. По отношению к гражданам — это должна быть не просто конституционная декларация прав.

Это может быть одна или несколько ценностей, они должны быть прописаны в параметрах и описаны в механизмах. А не в том принятом смысле, что следующее поколение будет жить при коммунизме. Для меня идеология — это некий управленческий конструкт, который задает параметры государственного строительства, которые, в свою очередь, ценностно нагружены. Должен быть баланс в системе «человек — власть — общество». Как это будет на практике, зависит от характера власти.

Вопрос (В.М. Межуев):

Вы считаете, что идеология должна быть у государства, а не у партии? Для Вас разницы нет между партийной идеологией и государственной? Понимание такой разницы очень важно, потому что у государства кроме конституции ничего не должно быть. А вот у партии, приходящей к власти, должна быть идеология.

Ответ:

Это понятно, но у нас нет реального механизма реализации ценностных целей государства. Можете назвать это не идеологией, а национальной идеей.

В.М. Межуев:

Такой механизм надо создать. А так, по-вашему, государству можно дать идеологию одну на всех? Национальная идея проводится не государством. Приведите пример, пожалуйста, государства с национальной идеей. Я знаю только один пример — Гитлер. Дело тут не в терминах, а в сути.

Вопрос (И.А. Гундаров):

И в устном докладе, и в письменном тексте государство предстает перед нами как нечто мудрое, доброе, а если сильное, то — мудрой силой. Я не согласен со всем тем, что писал Маркс, но из текста совершенно выпала оценка государства,

характеризующая его как инструмент принуждения. Если все-таки не относиться с излишним негативом к Марксу и посмотреть на реальные функции государства, то на самом деле государство — это инструмент защиты людей богатых и подчинения людей бедных. Вопрос такой: почему эта сторона оценки и ценность государства по защите власть имущих не была затронута в Вашем докладе? И второй вопрос: как вы думаете, через 1000 лет государство исчезнет? Ну, может, через 2000 или 3000 лет? Или оно будет существовать вечно?

Ответ:

По поводу второго вопроса я не готов гадать. А что касается первого вопроса, то не считаю, что карательные функции, функции принуждения являются в общечеловеческом, христианском, в любых иных смыслах ценностями. Это может быть только ценностной установкой властной элиты в недемократическом обществе.

Вопрос (Ю.А. Красин):

При движении на улице, что же вас вынуждает не идти на красный свет? Это тоже большая ценность для общества.

Ответ:

Это ценность, с точки зрения организации, т. е. это проблема хаоса и порядка. Насколько государство осуществляет свои функции, с точки зрения упорядочивания хаоса. Понятно, что государству и населению пришлось после Смуты начала XVII ст. пойти на большие жертвы, чтобы воссоздать государственность заново. Тем не менее, тогда это воспринималось нормально. Более того, когда читаешь крестьянские письма после революции 1917 г., обнаруживаешь, что у рядового крестьянина и горожанина не вызывала никаких сомнений необходимость властного принуждения. Но при этом они никогда не возводили принуждение в ранг ценностей.

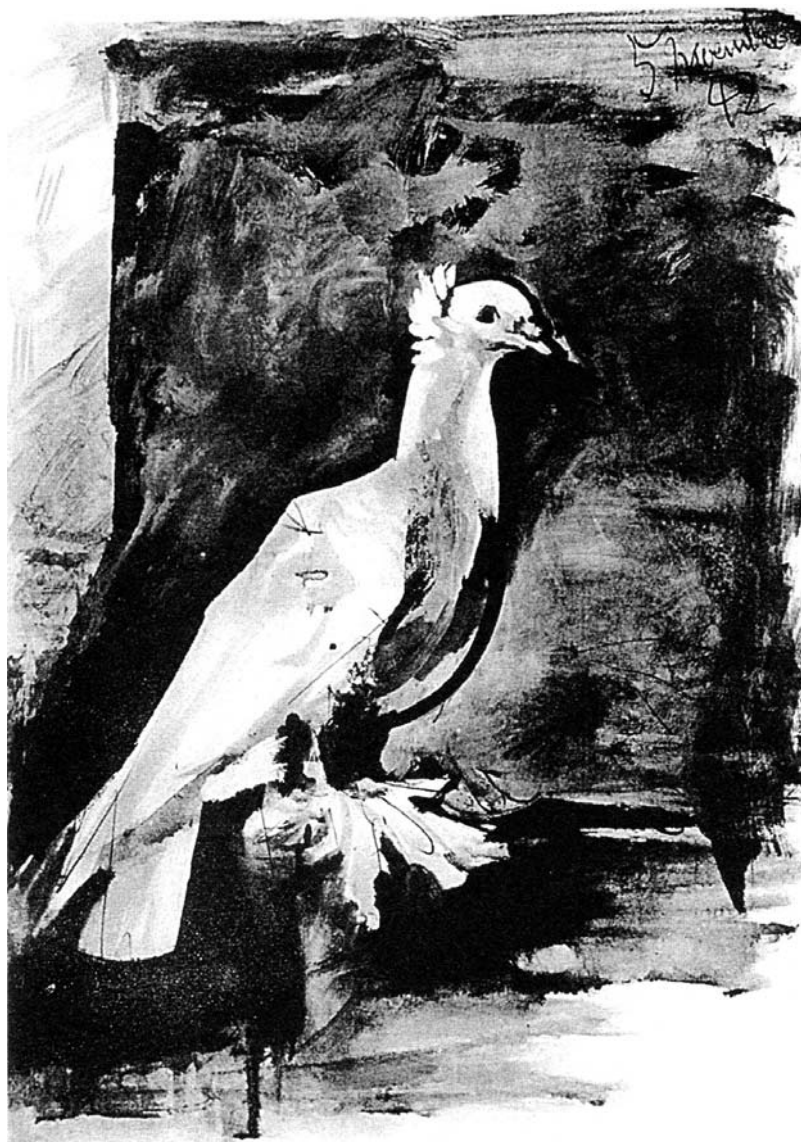
И.А. Гундаров:

Хотел бы уточнить: вот у машины ценность, т. е. ее главное качество — скорость, движение. У самолета — способность лететь. А у государства — управлять в интересах того, у кого достаточно большая часть экономического богатства. Это является сутью. Кстати, Александр Иванович, я не совсем согласен, что сейчас наблюдается как бы коллапс государства. Нет, просто в начале 90-х мы попытались выработать какую-то новую форму государства, ничего не получилось. Мы сейчас возвращаемся к исходным позициям.

И.Б. Орлов:

Я в докладе исходил из позиции тех, кто озвучивает ту или иную ценность.

Большевики, разгромив в соответствии с марксистской традицией буржуазное государство, тем не менее, социалистическое государство признавали как некую ценность, в связи с тем, что они якобы устранили из него принуждение по отношению к основной массе населения. Критика государства как такового у Маркса была, прежде всего, критикой современного ему буржуазного государства. Хотя Маркс в ранних своих работах писал об отчуждении человека от человека. Он именно с этого начинал, когда критиковал государство как таковое. Он утверждал, что институт государства, наряду с деньгами, отчуждает людей друг от друга. Эта идея, мне кажется, позитивна. Но будет ли государство отмирать, и насколько безгосударственность способна препятствовать отчуждению, — это тема особого разговора. На мой взгляд, тема отчуждения человека от человека замкнута не только и не столько на государство. Она имеет много параметров, в том числе, духовный, социальный, психологический и иные. Проблема отчуждения, «потери» человека — это огромная, глобальная проблема современности, но она выходит за рамки нашего разговора.

П. Пикассо. Голубь